

Павел КОНЬКОВ

«МОЙ ДУХ К ЮРЗУФУ ПРИЛЕТИТ»

Двухсотлетию путешествия
А. С. Пушкина по Крыму посвящается

Павел КОНЬКОВ

**«Мой дух к Юрзуфу
прилетит». Двухсотлетию
путешествия А. С. Пушкина
по Крыму посвящается**

«Издательские решения»

КОНЬКОВ П.

«Мой дух к Юрзуфу прилетит». Двухсотлетию путешествия
А. С. Пушкина по Крыму посвящается / П. КОНЬКОВ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988987-4

Автор следует за А. С. Пушкиным по горным тропам Тавриды, сличает стихотворные образы с гравюрами и картинами современников, фиксирует память о Пушкине в городах, селах и на скалах. Отдельный блок составляют статьи, созвучные размышлениям А. С. Пушкина о самосознании и судьбах русского дворянства.

ISBN 978-5-44-988987-4

© КОНЬКОВ П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Крымская колонна	7
Примечания	10
«Мой дух к Юрзуфу прилетит»	12
Примечания	15
Память о Пушкине в Крыму	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**«Мой дух к Юрзуфу прилетит»
Двухсотлетию путешествия
А. С. Пушкина по Крыму посвящается**

Павел КОНЬКОВ

*Следовать за мыслями великого человека есть наука самая
занимательная*

© Павел КОНЬКОВ, 2020

ISBN 978-5-4498-8987-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Читатель любит читать про себя. Нет, не в смысле – молча. А в том смысле, что видит в книге самого себя. Или не видит. Независимо от того – осознанно или нет, читатель ищет среди героев книги похожего на себя. Или ситуацию, в которой оказался сам когда-то. Или решение вопроса, который вставал перед ним. Любое соответствие. Если находит – книга интересна. Если не находит – книга скучна, и закрывается на третьей странице.

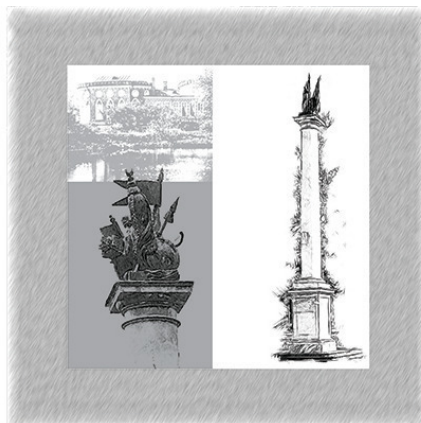
Находите ли вы себя, читатель, в произведениях Пушкина? Я часто нахожу. Нахожу по разному. Я, например, живу в Крыму, и мне интересно читать впечатления Пушкина, обехавшего почти всю Тавриду. Я с удовольствием ищу соответствия пушкинским строкам в изображениях художников 1820-х годов, в описаниях путешественников, прошедших теми же путями и в то же время. Мне нравится находить в современности то небольшое, что сохранилось с пушкинских времён. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» – слова Пушкина, с которыми я совершенно согласен.

А однажды передо мной встал вопрос, благодаря которому я по другому перечитал некоторые произведения и письма Пушкина. Я родился в семье, далёкий предок которой имел дворянское достоинство. Он защищал границы Московского государства от набегов Крымских ханов в 16 веке. Конечно, по строгим правилам генеалогии, я не могу считаться его потомком. Но однажды меня заставили задуматься над вопросом – а что значит для меня – в конце 20 века – принадлежность (пусть и дальняя) к дворянскому роду. Что значит дворянство в современном мире? Ведь не имения, не награды предков, не привилегии – давно утраченные? Ответ я нашел в том числе и в пушкинских размышлениях на эту же тему: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Возможно кому-то покажется дерзновенным, но Пушкин – как человек – мне несимпатичен. Окажись мы с ним в одной компании – вряд ли бы мы подружились. Судя по некоторым его текстам, он был довольно противный субъект. Но это и не имеет значения. Значение имеет только написанное им, и те эмоции, которые его произведения вызывают во мне.

А вы, читатель? Как вы находите себя в произведениях Пушкина?

Крымская колонна

Перечисляя основные направления формирования корпуса «Крымской пушкинской библиотеки», А. Е. Тархов упомянул о необходимости выявить письменные и устные сведения, документальные и материальные объекты, окружавшие Пушкина до 1820 года и возможно влиявших на его представления о Юге России, Тавриде, Черном море [1]. Среди прочего перечисляются памятники, воздвигнутые в парках Царского Села: «Наваринский Ганнибал», Чесменская колонна и др.

Напомним, что среди памятников «пантеона русской славы» есть малоизвестный памятник, непосредственно связанный с фактом присоединения Крыма к России – Крымская колонна, о которой уже сообщалось в крымской периодической печати [2].

Она была установлена в 1777 г., недалеко от Орловских ворот, за оградой Екатерининского Парка, на территории формировавшегося в то время комплекса зданий дворцового Запасного двора и Кордегарий [3]. Крымская колонна, с окружающим ее ансамблем, по существу была тогда неотъемлемой частью Екатерининского парка. До возведения решетчатой ограды весь ансамбль Запасного двора со стройной пятнадцатиметровой колонной отделялся от парка лишь дорогой, засаженной липами. Ансамбль, ориентированный на восток (что уже символично), был обращен к Екатерининскому парку и как бы ограничивал и закреплял его юго-восточную границу между Орловскими воротами и Подкапризной дорогой.

Колонна вырублена из монолитного куска мрамора на Екатеринбургской шлифовальной фабрике и отделана в мастерской Конторы строения Исаакиевской церкви. Сохранилось любопытное описание перевозки колонны в Царское Село на специальных санях, сделанных из брусьев длиной 11 метров и запряженных 120 лошадьми: «...тронулась она поутру в 8 часов 15 минут; в Сарское Село привезена к своему месту того ж числа пополудни в 4 часа. Когда оная колонна везена была мимо дворца, то Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества удостоили оное своим зрением, и в знак благоволения своего Ее Императорское Величество соизволила выдать мастерам и работникам, бывшим при провождении колонны, 800 рублей, а статскому советнику господину Сомичеву, который сию тяжеловесную штуку без всякой остановки препроводил до Сарского Села, изволила пожаловать золотую с бриллиантами табакерку. Во время же, как оную колонну везли через город, улицы наполнены были зрителями, которые удивлялись без затруднения движимой тяжести, тем наипаче, что в том находили образ неусыпных попечений о славе своих подданных Великой Екатерины, которая не довольствуется великих дел творением, но при том тщится сохранить оные в бесконечной памяти счастливых потомков наших» [4].

Автор проекта колонны в документах не указан, но, по мнению искусствоведа Д. А. Кючарианца, с большой долей вероятности можно предположить, что Крымская колонна сооружена по проекту архитектора Антонио Ринальди [5]. Ведь именно он создает ряд монументально-декоративных сооружений из естественного камня, и не только в Царском Селе: мемориальные памятники, верстовые столбы – «мраморные верстовые пирамиды» [6]. Однако самое убедительное доказательство его авторства – в художественном единстве Крымской колонны с Морейской, в отношении которой авторство Ринальди бесспорно. Как и в других памятниках А. Ринальди, колонна поставлена на трехступенчатое основание. Точно так же, как и в Морейской колонне, нижний плинт сделан из более темного мрамора.

Крымская колонна римско-дорического ордера. Она выдержана в светлых тонах. Ствол колонны светло-серый, пьедестал несколько темнее, с легким розоватым оттенком. Нижний плинт пьедестала вырублен из серого мрамора с белыми вкраплениями. Вся структура его рисунка крупнее остальных элементов памятника, и поэтому цвет мрамора здесь воспринимается интенсивнее. Венчает колонну композиция из бронзы, состоящая из турецких знамен, лука, колчана со стрелами и щита.

Присоединение Крыма к России произошло, напомним, в 1783 году. Колонна, поставленная в 1777 году, казалось бы не могла быть задумана как памятник присоединению Крыма. Однако, в 1774 году был заключен Кучук-Кайнарджийский мир, по которому Россия получила в Крыму Керчь и Еникале. С этого же года начались работы по сооружению зданий Запасного двора и Кордегарий. Можно предположить, что Кучук-Кайнарджийский договор повлиял на замысел. По свидетельству современников, весь этот ансамбль чем-то напоминал о Константинополе. Судя по чертежам, архитектура здания Запасного двора действительно носила в какой-то степени «мавританский» характер. Однако до формального акта присоединения Тавриды колонна оставалась без завершения. Композиция из турецких доспехов, выполненная по проекту Г. И. Козлова [7], была установлена лишь в 1785 году.

Впервые в связи с биографией А. С. Пушкина Крымскую колонну упомянул видимо Н. П. Анциферов [8]. Вероятно это было и единственным упоминанием, позже она практически исчезла из пушкиноведческой литературы и путеводителей по г. Пушкину (Царскому Селу). Последний факт объясняется просто – колонна находится теперь на территории НИИ ортопедии им. Турнера. и доступ к ней затруднен. К тому же ни в творческом наследии поэта, ни в воспоминаниях современников она не упоминается.

Отсюда возникает вопрос – а знал ли вообще Пушкин о ее существовании? Точного и аргументированного ответа на этот вопрос нет и быть, видимо, не может. Существует лишь вероятность, что знал, но не имел повода или необходимости этим знанием воспользоваться. Вспомним, например, строки «Отрывка из письма к Д.»: «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно воспользовался» [9].

Доводы в пользу мнения, что Пушкин мог слышать о Крымской колонне, видел ее и знал, какому событию она посвящена, могут быть следующие:

Во первых, начиная с акта открытия Лицея, памятники царскосельских парков использовались профессорами для воспитания патриотизма и иллюстрации к истории России. Профессор А. П. Куницын в своей речи говорил:

«Среди сих пустынных лесов, внимавших некогда победоносному российскому оружию, вам поведаны будут славные дела героев, поражавших враждебные строи. На сих зыбких равнинах вам показаны будут яркие следы ваших родоначальников, которые стремились на защиту царя и Отечества – окруженные примерами добродетели, вы ли не воспламенитесь к ней любовью?» [10] В частности, колонна могла быть упомянута в курсе «История трех последних столетий», читавшемся профессором И. К. Кайдановым. Этому периоду, кстати, уделялось особое внимание на выпускном экзамене по истории 22 мая 1817 года [11].

Во вторых, территория, на которой стоит Крымская колонна, оказалась после ликвидации Запасного двора в Баболовском парке. Он располагается в непосредственной близости к Екатерининскому и Александровскому паркам и образует вместе с ними единый грандиозный зеленый массив. Вход в него через Баболовские или Гатчинские (Орловские) ворота, неподалеку от которых и стоит колонна. Образовался этот дворцово-парковый комплекс вблизи деревни Баболово в 18 в., когда был построен деревянный, а затем, в 1783—1785 годах, по проекту И. В. Неелова [12] каменный дворец Г. А. Потемкина и распланирован небольшой пейзажный сад. Как известно, личность Г. А. Потемкина была притягательной для Пушкина, и не исключена возможность, что рассказы о нем в связи с ближним дворцом «Князя Тавриды» и колонна, напоминающая о присоединении Крыма, были известны Пушкину.

Наконец, даже если игнорировать воспоминания исторические, можно утверждать, что Пушкин знал Баболовский дворец и парк – достаточно вспомнить стихи «На Баболовский дворец» [13].

Баболово дважды упоминается в плане ненаписанного стихотворения 1835—1836 г. Prologue [14]. Мысленно возвращаясь в дни юности, вспоминая Царское Село, Лицей, лицейских товарищей, Пушкин включает в этот ряд милых образов и Баболово: «теперь иду на поклонение в Ц <арское> С <ело> и Баб <олово>».

Не следует в то же время игнорировать и тот факт, что с царскосельскими монументами зачастую связывались совершенно неверные представления. Например О. С. Павлищева упоминает царскосельский памятник с надписью «Победам Ганнибала» [15], однако такого памятника в парке нет, и в известных автору источниках он не упоминается. По предположению Н. П. Анциферова это могло относиться к Морейской колонне. Имеется и еще один памятник, о котором говорили, что он посвящен скончавшемуся в 1784 г. генерал-адъютанту А. Д. Ланскому. Однако памятник воздвигнут еще при жизни Ланского, а в описании Царского Села историка И. Яковкина написано, что «ни о времени, ни о причине постановки сего памятника ничего неизвестно» [16]. Крымская колонна в некоторых описаниях Царского Села нередко называлась «Сибирской». Это можно объяснить тем, что она, как и Палладиев мост, называемый в некоторых описаниях «Сибирской галереей», сделана из уральского мрамора. Один из первых историков Царского Села ошибочно считал, что она поставлена «в воспоминание завоевания края Сибирского» [17]. Таким образом, не исключено, что она была известна Пушкину под этим именем.

Примечания

Опубликовано впервые в газете «Крымская Правда» в 1984 г., 18 мая. С дополнениями статью предполагалось поместить в третий выпуск альманаха «Крымский музей», однако это издание не состоялось. Публикуется расширенная редакция с незначительной правкой.

[1] Тархов А. Е. Крымская пушкинская библиотека// Предвестие. – 1994. – №5. – С. 141.

[2] Коньков П. Крымская колонна// Крымская Правда. – 1984. – 18 мая; Коньков П. Крымские мотивы// Крымская Правда. – 1985. – 25 июля.

[3] Комплекс уничтожен еще в 19 в.

[4] Санкт-Петербургские ведомости. – 1777. – №24.

[5] Антонио Ринальди родился около 1709 г., вероятнее всего на юге Италии. Он является учеником Луиджи Ванвितелли – одного из ведущих мастеров позднего итальянского барокко – который был старше его всего на 9 лет. В Россию Ринальди приглашен в 1751 году. Ему было сорок три года, когда гетман Малороссии К. Г. Разумовский пригласил его в свои владения, намереваясь создать административный центр гетманства – город Батурин. В Россию прибыл видимо весной 1752 году. В 1754 году, построив для Разумовского только один дворец, Ринальди отправляется в Петербург. В 1779 году Екатерина в письме к Гримму упоминает о падении Ринальди с лесов и добавляет, что ему около семидесяти лет. В 1790 году он упоминается в ведомости «Кабинета ЕЕ величества», получающим пенсию. Более 30 лет провел Ринальди в России, украсив ее города прекрасными постройками и монументами, оказавшими заметное влияние на позднейшую русскую архитектуру. Продав дом, он в 1784 г. уехал в Рим. Пенсия – 1000 руб в год – выплачивалась ему через русского консула в Риме. Ринальди умер 10 февраля 1794 г. в Риме.

[6] Не он ли был автором проекта «Екатерининских миль» и «верст», отмечавших маршрут путешествия императрицы в Крым?

[7] Козлов Гавриил Игнатьевич – исторический и портретный живописец (1738—1791). Учился у А. Перезинотти и Дж. Валериани, вступил в новоучрежденную в СПб Академию художеств с званием академика-преподавателя в 1762 г. и оставался в ней до утверждения нового академического регламента. В 1765 г. получил звание академика по этому регламенту, в следующем году произведен в адъюнкт-профессоры исторической живописи, в 1771 г. повышен в профессоры, а в 1778 г. сделан адъюнкт-ректором. В том же году вступил в должность директора Императорской санктпетербургской шпалерной мануфактуры и занимал эту должность до самой смерти. Одно время был директором существовавшего при академии воспитательно го заведения. Много работал по заказам императрицы Екатерины II и особенно считался искусным в сочинении аллегорических сюжетов и орнаментов.

[8] Анциферов Н. Пушкин в Царском Селе. – М.: Гос. изд-во культ-просвет. лит-ры, 1950. – С. 11.

[9] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. – Т.6. – С. 636.

[10] [Речь А. П. Куницына при открытии Царскосельского Лицея] // Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. – В 2-х т. – Т. 1./Сост., вступительные очерки и прим. В. В. Кунина. М.: Правда, 1986. – С. 147.

[11] Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина 1799—1826//Сост. М. А. Цявловский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука, 1991. – С. 79, 103, 115, 130.

[12] По его же проекту 1788 года был построен «великокняжеский» флигель, в котором, после переделки 1811 г., разместился Лицей (См. Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. – Л.: Стройиздат. Ленинградское отделение, 1983. – С. 16)

[13] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т.1. С.286.

[14] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т.3. С.477.

[15] Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина...//А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1974. – С. 51—52.

[16] Яковкин И. История Села Царского. – Т. 1.СПб., 1829. – С. 126.

[17] Яковкин И. История Села Царского. – Т. 1.СПб., 1829. – С. 104.

«Мой дух к Юрзуфу прилетит»

В биографиях многих выдающихся художников есть общая закономерность, подмеченная Стефаном Цвейгом. В какой-то период жизни – в юности ли, в зрелых ли годах – человек внезапно, вольно или невольно, выпадает из привычного окружения, и оказывается неведомо где. Подтверждение своего наблюдения Цвейг основывает на примерах из жизни Вагнера, Шиллера, Гете, Шелли, Данте, Достоевского, Л. Толстого и других: «Так, хорошо устроенный придворный дирижер Вагнер однажды оказывается на баррикадах и должен затем скрываться от правительства, или же Шиллер бежит из Карлсшуте; так министр Гете внезапно в Карлсбаде приказывает запрячь карету и мчится в Италию, чтобы пожить там свободно, ничем не связанным; так едет Ленау в Америку, Шелли – в Италию, Байрон – в Грецию...» [Цвейг, 1991]. «Южная ссылка» А. С. Пушкина представляет собой такой же внезапный жизненный поворот. Она могла укрепить его вольнолюбие, но она же могла стать первым шагом к пересмотру своих взглядов и переходу к легитимности. Произошло последнее.

Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу.

Более слабые – морально гибнут в этот период, более сильные – открывают путь к познанию самих себя, раскрывают свои творческие возможности. «Божественная комедия» Данте написана в ссылке, замысел «Евгения Онегина», по словам самого Пушкина, зародился в Крыму.

Там колыбель моего «Онегина»...

Выпускник престижного учебного заведения, пристроенный на службу в коллегию иностранных дел, Пушкин начал свое жизненное движение по наезженной колее чиновника 19 в. Поповесничает, мол, да семейством обзаведется, будет с начальством любезен, так и сам в начальство выйдет. Но Пушкин – человек другого склада. И происходящее с ним на Юге России – явление многогранное, захватывающее самые разные внешние проявления жизни. В поэзии он представлял своё положение как добровольное бегство в чужие края.

*Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.*

Удаленный от греха подальше из петербургского окружения, Пушкин подвергся кардинальному внутреннему переустройству. Процесс этот начался на Кавказе и завершился в Михайловском, а последствия давали знать о себе на протяжении всей его дальнейшей жизни.

На юге и в Михайловском проделывается внутренняя работа, результат которой будет ощутим еще многие годы спустя. На протяжении всей своей жизни Пушкин возвращался мысленно к дням, проведенным в Крыму – «счастливейшим минутам» – воспоминания о которых он бережно хранил.

Впечатления, полученные Пушкиным в Крыму – земля, намагниченная древним волшебством эллинистической культуры, море, скалы – все то, что с таким равнодушием отмечал он тогда,

«Хотя бы одно чувство, нет...»

вылилось позже в стихах, пусть не дословно, иногда даже не намеком, а тонким абрисом или едва уловимым ароматом. И это относится не только к стихам в Крыму написанным, Крым описывающим, или явно крымскими впечатлениями навеянными. Еле слышное эхо и аромат Крыма можно ощутить и в стихах «Кто знает край, где небо блещет...». Описывая Италию, поэт совершенно очевидно пользуется образами, виденными на Южном берегу Крыма.

*Я помню край: там волн седых
На берегах седая пена.*

Байрон говорил, что не стал бы описывать страну, которой не видел.

В Крыму завершился анализ, разрешился кризис юношеского этапа жизни и творчества, и начался синтез, результатом которого стали «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», множество стихов и – вершина этого периода творчества – «Евгений Онегин».

В Крыму пережил он любовь, воспоминаниями о которой окрашены многие стихи.

«Где я любил, изгнанник неизвестный»

Связанное с Крымом ощущение счастья остается с Пушкиным навсегда, и согревает его даже в последние месяцы жизни. 4 декабря 1836 года, будучи у Греча на именинах его жены, Пушкин был мрачен, и уходя, сказал: «Все словно бьет лихорадка, все как-то везде холодно и не могу согреться; а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то в нашем медвежьем климате. Надо на юг, на юг!»

«Места, где жизнь была милей...»

Все так же, как и 200 лет назад шумят близ Гурзуфа седые морские волны, разбиваясь о скалы. Но песни их наверное уже другие. Вероятно и сам Пушкин, доведись ему вновь посетить Южный берег, услышал бы в плеске волн другие стихи, другие образы наполнили бы его воображение.

«Найду ли вновь утраченные звуки?»

Это был бы уже другой человек, зрелый, исполненный жизненной мудрости. Обращаясь к своим старым стихам, перебирая их, как сувениры прежних мыслей и настроений, он, вероятно, что-то припомнил бы с умилением, что-то – с иронической усмешкой, над чем-то и посмеялся бы.

Мы не можем знать мыслей его, что думал он в тот или иной день. Но любовно собранные поколениями пушкинистов стихи, черновики, письма, воспоминания людей близких, и просто живших в одно с ним время, дают нам обманчиво богатый материал, используя который можно строить любые реконструкции.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Попробуем...

В ноябре 1836 года Пушкин вступил в последний, гибельный этап своей жизни. Уже путешествует по городской почте анонимный пасквиль, разнося гнусные намеки. Уже роковые пистолеты внесены в биографию его. Год, как притаились они в ящике письменного стола Эрнеста де Баранта – сына французского посла. Один из них нанесет поэту смертельную рану.

Но пока ещё не время; изделия почтенного дрезденского оружейника Карла Ульбриха разочарованно молчат, ожидая рокового часа в своих бархатных ложах.

*Пистолетов пара,
Две пули – больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.*

Рассмотрим хронику событий 10 ноября 1836 года. Четырьмя днями ранее получены пасквилы. Послан вызов на дуэль д'Антесу. Утром интересующего нас дня от Жуковского получено письмо: дело с дуэлью затягивается – Жоржа д'Антеса несколько дней нет дома – за небрежность мундира он дежурит не в очередь – и только после часа пополудни сможет встретиться с Жуковским, ведущим переговоры.

Одному Пушкину известно, что он в эти дни выстрадал, какие сцены, оскорбительные для себя воображал, сколько возможных сценариев развития событий проанализировал. И какой болью отзывались любые слова, незначительные, случайные реплики случайно услышанного разговора, «подтверждавшие» воспаленные домыслы оскорбленного и израненного воображения.

Тревожные мысли и дипломатия поступков, переговоры и бесконечное ожидание, переписка, и опять томительное ожидание, тонкое сплетение признаний, запросов и хитроумных решений...

«Невольник чести беспощадной».

Единственная отдушина – литературная работа, которой он не перестает заниматься. В этот день Пушкин тоже за рабочим столом, он пишет письмо князю Б. Н. Голицыну, просившему разрешения на перевод «Бахчисарайского фонтана». День 10 ноября и письмо Голицыну интересны для нас тем, что Пушкин писал:

...Que je vous envie votre beau climat de Crimee: votre lettre a reveille en moi bien des souvenirs de tout genre.

...Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода.

Может, эти воспоминания длились всего несколько секунд, но на эти несколько секунд Пушкин отвлекся от мучительных раздумий и хоть ненадолго вновь пережил «счастливейшие минуты» жизни своей.

Итак —

...письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода.

Примечания

В 1995 г. книжный график В. И. Жерибор предложил мне подготовить совместно подарочный миниатюрный сборник крымских стихов А. С. Пушкина, насыщенный иллюстрациями и многочисленными связями стихов и биографии поэта. По разным причинам сотрудничество не состоялось, а предисловие, написанное для сборника, кажется мне небезинтересным.

[1] Цвейг С. Жизнь Поля Верлена // Нева. – 1991. – #9. – С. 201—202.

Память о Пушкине в Крыму

Стремление поклонников поэзии А. С. Пушкина увековечить имя поэта в мемориальных обозначениях, топонимике и микротопонимике, как социальный феномен, заслуживает внимания и изучения.

Первые акции по увековечению памяти о пребывании Пушкина в Крыму относятся к 1880 г. До этого только в путеводителях Сосногоровой и Караулова (1871, 1874, 1880, 1883) упоминался дом в Гурзуфе, где в 1820 г. останавливался Пушкин. Никаких памятников или мемориальных обозначений в Таврической губернии не было.

6 июня 1880 г. в Москве был открыт памятник А. С. Пушкину. Во многих городах России, где бывал поэт, также стали в меру возможностей отмечать мемориальные места, связанные с именем поэта. Общее настроение нашло отклик и в Крыму. Местные общественные деятели развесили в Гурзуфе дощечки на кипарисе, платане и т. д., не утруждаясь определением достоверности выбранных объектов [1: С. 82]. [21: С. 26] Эти платан и кипарис впервые были упомянуты в печати княгиней Е. Горчаковой [4: С. 199]. Подробно рассматривая увековечение памяти Пушкина в Крыму, А. Л. Бертъе-Делагард нигде не упоминает о памятниках Пушкину, и память о поэте нив чѐм не сохранилась, хотя к моменту выхода в свет его книги прошло празднование столетнего юбилея.

Впрочем, категоричные утверждения ученого не совсем верны. Бюсты Пушкина на территории Таврической губернии в год столетия поэта были установлены: 26 мая 1899 г. в Армянске на городском бульваре, переименованном в Пушкинский [М. Ш. 1899]; в г. Орехове Бердянского уезда в городском сквере, названном Пушкинским [16]. Но ни в Гурзуфе, ни в Ялте ни в Севастополе памятники не были установлены.

В Симферополе только на время торжеств стоял в Пушкинском сквере бюст, видимо один из многочисленных кабинетных бюстов, украшавших в те дни торжественные собрания. В одной из корреспонденций, описывая вечернее гулянье в городском саду (25 мая впервые по случаю пушкинского юбилея освещенном возле памятника Екатерине II электрическим светом) автор пишет: «Вот бы хорошо, если во время этого гулянья устроить бы сбор на памятник Пушкину, конечно не в Симферополе (мысль эту приходится оставить) но на Всероссийскую подписку, которая идет с Высочайшего соизволения. Таким образом память о Пушкине была бы, хотя отчасти, увековечена и в Симферополе» [8]. Упоминаемая Всероссийская подписка была объявлена на установку памятника по проекту Р. Р. Баха, установленного в 1900 г. в одном из Царскосельских парков, близ Лицея.

Увековечение памяти поэта в Симферополе ограничилось переименованием улицы: «25 мая все дощечки на Приютненской улице были заменены с новым названием „Пуш-

кинская“» [8], поименованием сквера напротив приюта графини Адлерберг; закладкой 3-й городской начальной школы им. Пушкина: «27 мая по окончании панихиды (по случаю юбилея Пушкина. – Прим. сост.) в здании городской управы все присутствовавшие отправились на место закладки (ул. Марковская, ныне Крейзера, дом 14; сейчас там размещается библиотека им. Л. Н. Толстого), где было совершено на открытом воздухе моление, причем в угол фундамента заложена закладная доска с надписью: „27 сего мая 1899 года заложена в память столетнего юбилея со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина“» [19].

<В 1887 г., в год 50-летия смерти поэта, в Ялте, по инициативе и при непосредственном участии врачей В. Н. Дмитриева, К. Р. Овсяного, А. И. Кольцова, Ф. Д. Бебера, Ф. Т. Штангеева вдоль левого берега Учан-Су был заложен Пушкинский бульвар (ныне ул. Пушкинская). Бульвар представлял собой три тенистые аллеи, предназначенные для пешеходов, всадников и экипажей. Единственная в городе площадь, где заканчивался бульвар, была в тот же год названа Пушкинской [5] [2: С. 90—91.]>

Первым скульптурным портретом Пушкина в Симферополе и Крыму, стал бюст на фасаде Дворянского театра на Пушкинской улице. Он изготовлен в 1911 г. скульптором О. И. Якобсом.

После революции и гражданской войны, видимо самый первый памятник поэту был открыт в 1937 г. в Алуште [13: С. 278.]. До 1941 г. это единственный памятник, упоминаемый в литературе.

В связи с мероприятиями, связанными со столетием смерти поэта, в печати упоминается только мемориальная доска в Гурзуфе [11].

В память 120-летия пребывания Пушкина в Гурзуфе, в 1940 г. его имя присвоили гурзуфской Набережной. Точное название носит тяжелую печать канцелярского красноречия: «улица Набережная имени А. С. Пушкина» [6].

Не сохранившиеся мемориальные обозначения

В 1949 юбилейном году барельеф Пушкина украсил фасад санатория Карасан. В том же году пионерами Артека гора Султанка переименована в Пушкинскую; у подножия, там, где проводились мероприятия, установили барельеф, сделанный пионерками Надей Беловой и Тамарой Сафоновой; на вершине установлена мраморная доска со строками стихотворения «К морю»:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой
[20. – С.235.]

Видимо эту доску позднее перенесли на фасад «дома Ришелье», так как в связи со скалой она более не упоминается, а в одном из путеводителей цитируется доска с таким же текстом, висящая на фасаде дома [15: С. 250].

Упоминается также мемориальная доска, установленная на «доме Ришелье» в 1964 г. [13: С. 308]. На шоссе Алушта-Ялта, за селом Кипарисным, напротив фонтана стоял бюст Пушкина [15: С. 243].

Послевоенные годы

<К 150-летию со дня рождения поэта, в 1949 г., было проведено много мероприятий и установлены мемориальные обозначения, большинство которых до наших дней не сохранились. Например, в Аршинцево, вошедшем впоследствии в городскую черту Керчи, был заложен сквер имени А. С. Пушкина и установлен бюст.

На доме Ришелье была установлена мраморная мемориальная доска с текстом: «Здесь / жил великий русский поэт / Александр Сергеевич / Пушкин / в 1820 году» [3]. В Симферополе

в сквере, поименованном Пушкинским, был установлен бюст, существовавший до 60-х гг. [15: С. 208]; [17. – №251, 255]>

В Севастополе при благоустройстве площади Пушкина в 1952 г. в центре её, посреди клумбы был установлен железобетонный бюст поэта, выполненный по типовому гипсовому бюсту [13: С. 441]. Этот памятник существует и теперь, но расположен на мысе Фиолент. В 1983 г. площадь Пушкина исчезает из топонимической номенклатуры Севастополя. В связи с подготовкой к празднованию 200-летия города её переименовали в площадь Суворова, у подножья лестницы, спускающейся по ул. Сергеева-Ценского установили бюст полководца. А бюст Пушкина отправили на склад, откуда его забрал командир воинской части, размещавшейся на мысе Фиолент. В память о посещении Пушкиным Георгиевского монастыря, бюст был установлен на одной из аллей. На севастопольской улице Пушкина в сквере был в 1983 г. установлен бюст работы А. А. Ковалева, точная копия установленного в 1970 г. в Арроу-парке около Нью-Йорка [14].

<В 1962 г., в память 125 годовщины со дня смерти Пушкина, в Гурзуфе был установлен бюст поэта работы скульптора О. Д. Миньковой и заложена аллея из 50 кипарисов [12]>

Гурзуфские загадки

Загадочные обстоятельства сопутствуют памятникам в юго-восточной части парка Гурзуфского военного санатория.

В 1957 г. на месте, связанном с местопребыванием поэта (оливковая роща), установлен бронзовый бюст работы скульптора А. Н. Миронова. Мемориальная доска из мрамора, на которой высечен текст: «Здесь был А. С. Пушкин»; «Там, на берегу, где дремлет лес священный, / Твоё я имя повторял: / Там часто я бродил уединенный / И вдаль глядел... и милой встречи ждал. Гурзуф. 1820 г.». До сих пор состоит на государственном учете [13: С. 308]. Но бюста этого нет.

В 1959 г. в оливковой роще Гурзуфского военного санатория, в нише подпорной стены установлен бронзовый бюст Пушкина работы М. К. Аникушина. В настоящее время утрачен и местонахождение его неизвестно.

В 1987 г. в оливковой роще Гурзуфского военного санатория установлен памятник из медного сплава, изображающий молодого Пушкина, сидящего на берегу моря, работы скульптора Б. Довганя. Напротив памятника мемориальная доска со стихами: «Там, на берегу, где дремлет лес священный...». На государственном учете не состоит.

<В 1959 г. «во Всесоюзный музей А. С. Пушкина обратились деятели науки и искусства с предложением установить в Гурзуфе бронзовую фигуру А. С. Пушкина, выполненную заслуженным деятелем искусств, лауреатом Ленинской премии М. К. Аникушиным. <...> Памятник будет воздвигнут к 160-летию со дня рождения поэта. <...> Ялтинские городские организации приняли дар с благодарностью. Главному архитектору города поручено подыскать место для установки памятника» [18]. Но никаких документальных свидетельств открытия этого памятника не существует. Дело в том, что над памятником для Гурзуфа скульптор начал работать еще в 1958 г. Не удовлетворенный найденными решениями, М. К. Аникушин продолжал поиски, и окончательный вариант памятника был исполнен в начале 1972 г. Гипсовая модель этой фигуры, размером 200 x 96 x 105 см находится в мастерской скульптора [7: С. 66—70, 327].>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.